

К.М. Станюкович

Мрачный штурман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С75

С75 **Станюкович К.М.**
Мрачный штурман / К.М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2021. –
50 с.

ISBN 978-5-4241-2168-5

Морские рассказы Станюковича проникнуты волнующей романтикой моря как символа борьбы и свободы, красоты и смелости; в то же время они глубоко лиричны в своей любви к безграничным российским просторам. Недаром современники называли его Айвазовским слова.

ISBN 978-5-4241-2168-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.М. Станюкович, 2021

Константин Михайлович
Станюкович
Мрачный штурман
рассказ

I

После трехлетнего дальнего плавания с грозными подчас штормами и непогодами, после тепла и приволья южных широт с их роскошными пейзажами, вечно греющим ярким солнцем, беспредельной высотой бирюзового неба и волшебными тропическими ночами — корвет “Грозный” в 186*году возвращался на далекую родину.

На корвете было сто семьдесят пять человек команды, шестнадцать офицеров, доктор и иеромонах.

Все радовались возвращению. Долгое плавание, несмотря на все прелести природы, порядочно-таки надоело. Всем — и офицерам и матросам — хотелось поскорей на сушу, отдохнуть после продолжительной, полной тревог и случайностей, жизни на море.

Надо было поспеть в Финский залив до заморозков, и потому все торопились.

Чуть затихал попутный ветер, и вся поставленная парусина еле двигала корвет, или ветер начинал задуть “в лоб”, принуждая к томительной лавировке, — как отдавалось приказание разводиться пары, и старший механик, Иван Саввич Холодильников, давно уж скучавший по Кронштадту, где осталась молодая жена, — торопливей и веселей, чем обыкновенно, облакался в свою просаленную и прокопченную “машинную” куртку и с радостным лицом бежал к себе в “преисподнюю”, переваливаясь всем своим худым, костлявым туловищем, похожим на плохо собранную машину, и размахивая, словно крыльями, длинными, никогда не находившими места руками.

И скоро “Грозный”, попыхивая дымком из своей короткой горластой трубы, шел вперед полным ходом, подрагивая кормой под однообразный и равномерный стук машины.

Редкие заходы в попутные порты за углем и за свежей провизией отличались теперь короткими стоянками, не позволявшими любознательным мичманам основательно знакомиться с местными ресторанами и красотою туземок. Капитан, изнывавший в ожидании увидеть жену и детей, торопился сам и поторапливал всех. Значительно смягчившийся характером, по мнению молодых мичманов, с тех пор как получено было предписание “следовать в Кронштадт”, и “разносивший” подчиненных далеко не с прежней страстной стремительностью, он при каждом заходе в порт без обычной раздражительности просил “медлительного барона”, ревизора корвета, “не копать” и как можно скорей оканчивать расчеты с берегом.

Но просьбы капитана на этот раз были излишни.

Барон Оскар Оскарович, которого матросы перекрестили в “Кар Карыча” и звали потихоньку “долговязой цаплей”, и без капитанских просьб сбросил теперь свою упрямую, методичную и самодовольную остзейскую флегму и с удивительной в нем быстротой летал к консулам, торопил поставщиков, принимал провизию без придирчивой мешкотни и заставлял грузить уголь по ночам, ибо, в свою очередь, торопился в Митаву, к невесте; портреты ее в различных позах и костюмах влюбленный барон получал чуть ли не каждой почтой и теперь предвкушал счастье скоро припасть к ногам оригинала.

Таким образом, корвет нигде не застаивался и не терял времени, что, разуме-

ется, очень радовало всех женатых людей и влюбленных женихов и несколько огорчало некоторых молодых офицеров, не сидевших, как большая часть молодежи, “на экваторе” и мечтавших было “просадить” сотни две-три франков в Париже. Но увы! — в Шербурге ¹, где сперва предполагали краситься, корвет простоял лишь сутки, и Париж “улыбнулся”.

— По крайности, денежки ваши целы, — утешал раздобревший за время плавания отец Агафон.

— Вам, батя, хорошо рассуждать... Вы — монах.

— В каких это смыслах?

— А в таких смыслах, что вас не должна смущать прелесть француженок, а нас смущает... Впрочем, если бы вы увидали их в Париже...

— Замолчите, бесстыдники, — добродушно останавливал мичманов отец Агафон и затыкал обеими руками уши, оставляя, однако, щелочку.

II

Ввиду скорого окончания плавания и настроение команды сделалось веселым и приподнятым. Еще бы! Матросам, более чем кому-либо, “очертело” это шатание по океанам, полное беспокойств, трудов и опасностей суровой морской службы, с частыми порками и зуботычинами, с вечной руганью за малейшую оплошность, приводившую в ярость офицеров “дантистов”, которых на корвете было довольно-таки.

На баке и в палубе матросы, рассчитывавшие после “дальней” сходить домой на побывку, чаще, чем прежде, лясничают о “своих местах”, а женатые, обстоятельные матросы, и те из холостых, которые не прогуливали на берегу всех денег, чаще заглядывают в свои парусинные мешки, чтобы пересмотреть прикопленные за три года собственные вещи (преимущественно рубахи) и заграничные гостинцы для баб. Старики, ожидающие “чистой” и, вероятно, плавающие в море последний раз в жизни, толкуют между собой о разных “способных должностях”, которые могли бы они исполнять, если не поживется в деревне.

В кают-компании те же темы разговоров. Холостые офицеры с веселым оживлением беседуют о том, кто куда поедет после плавания. Наверное, дадут шестимесячный отпуск с сохранением содержания и годовой оклад не в зачет, в виде награды. Значит, можно заново экипироваться. Особенно экспансивны мичмана, недавно произведенные из гардемарин. Многие из них ушли в плавание безбородыми, безусыми юношами, а теперь возвращаются молодыми людьми, с загорелыми, огрубевшими, свежими лицами, с шелковистыми бородами, окрепшими голосами, с некоторой напускною серьезностью и преувеличенным щегольством манерами заправских “морских волчков”.

Каждого из них давно нетерпеливо поджидают в семьях. Каждого сладко манит радость свидания после долгой разлуки и давно не испытанная прелесть родного гнезда, где мать и подростки сестры и братья с благоговейным вниманием и с гордой любовью будут слушать по вечерам, собравшись тесным кружком, рассказы вернувшегося странника. И вся обстановка “той” жизни, совсем не похожая на настоящую, кажется теперь особенно уютной, приятной и милой.

“Там” не будет ни “мокрых” ночных вахт, ни постоянной качки, ни штормов, наводящих трепет, бережно скрываемый от чужих глаз под видом небрежного равнодушия, ни отчаянных “разносов” свирепеющего от вечного одиночества капитана, который приучил себя каждому пустяку придавать серьезное значение, ни замечаний педанта старшего офицера, представляющегося занятым одной лишь службой. “Там” не услышишь этих внезапных, способных разбудить мертвого, окриков боцмана: “Пошел все вверх рифы брать!” — окриков, заставляющих среди ночи выскакать из теплой койки и, наскоро одевшись, стремглав лететь вверх на палубу. “Там” не придется постоянно и неизменно видеть одних и тех же людей, сведенных на пространстве длиною в сто шестьдесят футов; обязательное непрерывное общение с ними делает подчас самых лучших людей невыносимыми друг другу, по крайней мере на время, пока “берег” с его удовольствиями не даст новых впечатлений, и эти самые люди, казавшиеся благодаря скуке и однообразию томительного тридцатидневного перехода “невыносимы-

ми”, — снова кажутся не такими уж тяжелыми людьми, и беседы с ними после “берега” опять получают интерес. “Там” нет этой тесной каютки, где все “принайтовлено”, — узкой и темной, с наглухо “задраенным” иллюминатором, обмываемым седой волной, которая иногда невольно заставляет думать, что лишь несколько дюймов дерева отделяют человека от этого страшно-таинственного бездонного океана, которому ничего не стоит поглотить корвет со всеми его обитателями. Какая-нибудь роковая случайность — столкновение, пожар, ураган — и... все кончено. Океан, по-прежнему загадочный и таинственный, с прежним бессмысленным бешенством будет катить свои седые валы над местом, где только что волновались, мечтали, надеялись, — словом жили две сотни людей...

Такие мысли об “изнанке” плавания теперь чаще лезут в голову, хотя, по ложному стыду, о них никто не решается говорить. И возвращение становится еще желаннее и милее. И разговоры о поездках в разные уголки России не исщаются среди молодежи.

III

Семейные люди — доктор, механик и артиллерист — никуда не собираются. Им только бы поскорей добраться до Кронштадта, где свиты оставленные ими гнезда. Люди солидных лет, они не пускаются в откровенные излишества, но зато обнаруживают малодушное нетерпение и раздражительность каждый раз, когда засвежеет противный ветер, разводя большое волнение, и “Грозный”, не отличающийся сильной машиной, еле подвигается вперед, кляя носом и с трудом выгребая против ветра, или когда стоянка где-нибудь кажется им продолжительною.

В первом случае они то и дело выходят наверх и сердито и беспокойно поглядывают и на небо, покрытое тучами, и на воду, справляются о барометре и молчаливо хмурятся в кают-компании, а во втором — с затаенным недоброжелательством бросают взгляды на ревизора, когда он, усталый от беготни, хлопот и пререканий на берегу, возвращается на корвет и с мрачным видом, молча пьет чай в кают-компании, только что выругав совершенно безвинного вестового.

“И чего он копался на берегу, этот долговязый барон? Отчего до сих пор не везут угля? Ведь так мы опоздаем в Кронштадт!” — досадливо думают они. И все косо поглядывают на “долговязого барона”.

Но ревизор мрачен, как ночь, и никто не отваживается на расспросы, выжидая, когда начинавшее лысеть чело молодого барона немного прояснится.

В эту минуту входит в кают-компанию мичман Петров, прозванный “легкомысленным мичманом”. Он только что выспался перед ночной вахтой и, заметив ревизора, немедленно спрашивает, шуря спросонков глаза:

— Что, барон, скоро дождемся угля?

Это было слишком даже и для такого флегматика, как “долговязая цапля”! Этим углем его уж успели довести до белого каления, едва он, выскочив со шлюпки, показался на палубе.

— Когда же уголь? — встретил его с немим укором капитан, едва сдерживаясь от желания по крайней мере “вдребезги разнести” барона.

— Скоро ли уголь-с? — сухо спросил старший офицер.

— Отчего не везут угля? — считал долгом остановить барона каждый из гулявших на палубе.

Хотя барон, щеголявший своей джентльменской остзейской выдержкой, и отвечал всем по обычаю изысканно любезно, длинно и обстоятельно, но внутри у него кипело. Раздраженный и отсутствием обещанных консулом шаланд с углем, и немим укором капитана, во взгляде которого он ясно прочел сдержанную злобу, и обилием этих вопросов об угле, полных, казалось, скрытых обвинений, барон был весь начинен досадою и гневом, когда, наконец, спустился в кают-компанию и молча отхлебывал чай, чувствуя бросаемые на него не особенно ласковые взгляды доктора и остальных женатых.

Таким образом, вопрос “легкомысленного мичмана” был фитилем, приставленным к заряженной пушке.

И барон теряет свое самообладание. Весь вспыхивая, он накидывается на мичмана.

— Да что вы ко мне пристаёте с углем, позвольте вас спросить? — восклицает он раздраженным, гневным голосом. — На себе я его привезу, что ли, как вы

думаете?

Но так как мичман, ошавевший от этого неожиданного взрыва, в первую секунду мог лишь удивленно вытаращить глаза, то барон снова выпаливает:

— Разве я виноват, что этот англичанин, имеющий честь называться русским консулом, такое животное? Должен ли я отвечать за него, или не должен, по вашему мнению?

И, разумеется, не дожидаясь мнения мичмана, барон продолжает “разряжаться”.

Он, вот, с раннего утра, сегодня, как собака, рыскал по городу, высунувши язык, а все: “Когда уголь?”, “Отчего нет угля?” Нечего сказать, деликатно! Поехали бы сами, посмотрели, как с консулом дела делать. Три раза он был у этого рыжего дьявола из-за угля. Сперва было совсем отказал найти людей по случаю воскресенья... Наконец дал слово, что к шести часам шаланды будут, а их нет. Это черт знает что такое! Пускай капитан жалуется на подобных консулов... Консул — скотина, а ревизор виноват!

— Покорно вас благодарю! — неожиданно прибавляет барон, взглядывая со злостью на мичмана.

— Но позвольте, барон...

— Что “барон”! Барону никакого отдыха нет... Барону вот сию минуту надо опять ехать на берег из-за этого консула, а вам что?.. Спите сколько угодно... Покорно благодарю!

— Да разве я, барон...

— Побыли бы вы ревизором, испытали бы эту каторгу! — продолжает он, несколько смягчаясь, по-прежнему не обращая ни малейшего внимания на попытки мичмана закончить фразу.

По счастью, вбегает рассыльный и докладывает, что идут шаланды с углем.

И барон, не докончив чая и своих lamentаций, выскакивает наверх. Лица женатых проясняются. Только “легкомысленный мичман” с минуту находится в недоумении, за что это обрушилась на него долговязая цапля.

— Верно, попало ему от капитана, а? — смеется он, обращаясь к присутствующим.

IV

По мере того, как “Грозный” приближается к северу, видимо возрастает общее нетерпение. Уже высчитывают остающиеся дни плавания (“если, бог даст, не будет никаких случайностей”, — опасливо прибавляют люди постарше) и чаще стыдят старшего механика за то, что “Грозный”, несмотря на полный ход и на самую благоприятную погоду, “ползет” как черепаха, всего по семи с половиною узлов в час.

— Хоть бы до восьми постарались, Иван Саввич! — говорят ему, когда он показывается в кают-компани.

Все, разумеется, отлично знали, что Иван Саввич, заботившийся о своей “машинке”, как нежно называл он двухсотпятидесятисильную машину корвета, точно о родной дочери, и сам “старался” и нисколько не виноват, что его “машинка” большего хода давать не могла, но надо же было излить досаду нетерпения, тем более что объект этих жалоб, милейший Иван Саввич, был в высшей степени мягкий, добродушный и невозмутимый человек.

И он не обижался.

Покуривая дешевую манилку² и теребя свои реденькие рыжеватые бакенбарды, окаймлявшие рябое, покрытое веснушками лицо, с съехавшим чуть-чуть на сторону носом и большими голубыми глазами, кроткое и умное выражение которых значительно смягчало некрасивость его лица, Иван Саввич терпеливо отмалчивался или замечал, добродушно улыбаясь:

— Больше ходу взять неоткуда... Слава богу, идем хорошо. И то подшипники нагреваются! — озабоченно прибавлял Иван Саввич.

— Нечего сказать... хорош ход!.. — иронизировал кто-нибудь.

— И такого хода не будет.

— Это почему?

— А если засвежеет... Кажется, к тому дело идет! — пугал Иван Саввич.

— Типун вам на язык, Иван Саввич!

— Небось этого не любите! — смеется Иван Саввич.

Но когда суточное плавание корвета, благодаря попутному ветру, бывало не менее двухсот миль, большая часть семейных людей расцветала.

Экспансивнее других женатых выражал в такие дни свою радость доктор Лаврентий Васильевич Жабрин, высокий, крупных размеров, видный толстяк, лет за сорок, с громадным животом, снискавшим ему большой почет и уважение среди китайцев. Его шаровидное румяное лицо с двойным подбородком, с мясистым носом, толстыми сочными губами и маленькими, заплывавшими жиром глазками — лицо с благодушно-довольным выражением уравновешенного человека — теперь положительно сияло и потому, вероятно, казалось еще ordinarily и глупее, чем обыкновенно.

Лаврентий Васильевич был совсем обленившийся, заживший человек, идеалы которого давно сузились в рамках маленького, нетребовательного личного благополучия и ленивого покоя. В течение трех лет плавания он большую часть времени просиживал на своем постоянном почетном месте, рядом с местом старшего офицера — на диване, или в приятном и всегда нетерпеливом ожидании часов еды, или в осовелом состоянии хорошо покушавшего обжоры, чувствующую